

Мягкие, прижатые к его губам пластины плоти постепенно напитались теплом. Цин Шу почувствовал, как из уголка чужого рта выдвинулись два острых клыка. Они едва ощутимо въелись в его губы — не больно, скорее с той лёгкой, почесывающей прикусой, с какой молодняк в период смены зубов ищет, обо что бы почесать десны. По губам разлилась тонкая волна покалывания.

Постой-ка... погоди!

Цин Шу распахнул глаза. От дикого изумления перед взором даже поплыли белые круги.

Это... это ещё что за выкрутасы?!

На полноценный поцелуй происходящее походило слабо, но и принципиальной разницы Цин Шу не улавливал. Он с силой оттолкнул от себя Змея. Тот вовсе не разозлился — лишь поднял бледную, почти бескровную руку и небрежно вытер угол алых губ. Его золотые зрачки вспыхнули обжигающим, хищным блеском:

— Ну что, человек, доволен?

«Доволен?! Да ни в одном глазу!»

Цин Шу остался в дураках, и от досады у него даже слова застряли в горле.

Он-то рассчитывал всего лишь на крепкое мужское объятие! Тем более что после их откровенного разговора душевная атмосфера располагала к искреннему порыву. Он волновался, ждал, уже раскрыл руки навстречу... и вдруг такой финал!

Неужели он не заслужил обычной, нормальной дружбы?!

— Человек! — Змей бесцеремонно сгреб Цин Шу за плечо. Ему показалось, что тот совсем пал духом. Значит, весть о скорой кончине всё-таки подкосила парня? Хм, до чего же скрытный этот человечиска: даже перед лицом Змея пытается выдавливать из себя улыбку... — Я не дам тебе сдохнуть. Ты хоть соображаешь, с кем тебя свела судьба? Пока я рядом, ни одна зараза тебя на тот свет не утащит.

Цин Шу искренне тронули эти слова. Чтобы случайный знакомый, с которым они едва сменяли пару слов, вот так, не задумываясь, вызвался стать его щитом... Перед глазами Цин Шу встала сцена из слезливой теледрамы: седая, измождённая мать сцепляет дрожащие пальцы на руке смертельно больного сына и сквозь слёзы шепчет: «Не бойся, сынок, я хоть последнее имущество распродам, а тебя вылечу...» Раньше Цин Шу даже немного завидовал подобному. Теперь завидовать не приходилось: у других была заботливая мать, а у него появился замечательный Великий Змей.

Волна противоречивых чувств затопила грудь, и Цин Шу, не сдержавшись, крепко обнял Змея.

Вот она — настоящая проверка бедой. В это мгновение Цин Шу отчётливо ощутил, как их дружба поднялась на совершенно новый, высший уровень.

Видя, что человек снова повеселел, Змей удовлетворенно кивнул и решил ковать железо, пока горячо:

— Человек, помнишь, я рассказывал про логический сбой в вашем мире?

Цин Шу кивнул:

— Помню.

— Угадай, как они в итоге избавились от того призрака? — Змей оскалился в ухмылке. Задав вопрос, он вовсе не собирался ждать ответа: — Да просто стянули в одно место целую свору охотников за нечистью!

Лицо Цин Шу на миг застыло, а затем сменилось сложной, ироничной улыбкой. В этом чудилось некое веление судьбы, неразрывная цепь причин и следствий. Сразу прояснилось многое из того, что раньше казалось неразрешимой загадкой.

— Теперь я ничуть не удивляюсь, что ты сумел дойти так далеко.

Змей вонзил пальцы прямо в оконную раму — прочный кирпич под его натиском рассыпался трухой, словно сухое галетное печенье:

— Человек, то, что ты дотянул до сегодняшнего дня, — стечение кучи факторов. Это чистая случайность и настоящее чудо. А подобные чудеса — как раз то, что безумно мило моей тёмной натуре.

Змей повернул голову, даже не пытаясь скрыть закипавшую в глазах откровенную жуть:

— Втаптывать любимчиков судьбы в грязь, заставляя их гнить в смердящей луже, — моё любимое занятие... Но смотреть на бедное ничтожество, которое судьба раз за разом скидывает в бездну, а оно всё равно упорно карабкается наверх, лишь бы подпортить ей обед, — такое мне мило ничуть не меньше...

Змей не успел договорить — Цин Шу звонко щелкнул его по макушке:

— Не смей пакостить.

Змей недовольно цыкнул и буркнул:

— Я вообще-то лютый финальный босс! Мне по статусу положено вредить вашему брату!

— Занимайся своим делом, но злодействовать вовсе не обязательно, — Цин Шу посмотрел на Змея с почти отцовской теплотой. — Как раз кстати: мне нужно кое-что с тобой обсудить.

— Со мной? Обсудить? — Змей оживленно повел глазами, вильнув зрачками. Это было ново, и в нём закипел азарт. Он слегка приподнял уголок губ, напустив на себя важный вид: — Ну валяй, человек.

— Дело вот в чём... — Цин Шу тщательно подбирал слова. — Раньше я принимал тебя за обычную змею. Но держать дома тварь таких габаритов рядовому человеку не под силу, поэтому я договорился с парнем из соседней комнаты, что тебя придется отдать. Теперь же, когда я знаю, что ты не дикий зверь, возвращать тебя в клетку я не хочу. Я планирую выкупить тебя у соседа.

Золотые глаза Змея мгновенно вспыхнули:

— Так чеши прямо сейчас! Найди этого дурачка и выкупи меня немедленно!

— Угу, вот об этом я и хотел поговорить, — вздохнул Цин Шу.

Змей издал предостерегающее шипение и подозрительно прищурился:

— У тебя что, бабок не хватает? Да эта змея гроша ломаного не стоит! Изначально это была обычная дикая рептилия из гор. Дружок того дурака поймал её и хотел сбыть в ресторан на мясо. Я подумал, что в ресторане и без того хавки полно, выпустил беднягу, а сам принял её облик — хотел нахаляву подкрепиться на шведском столе. И что в итоге?! До ресторана я так и не доехал! — Змей аж зубами заскрипел от злости. — Этот дурень вдруг припёрся и заявил, что хочет купить змею, да покрупнее! И его кореш всучил меня ему за целых шесть тысяч юаней!

Дальнейшее Цин Шу знал и сам: Змей сидел на голодном пайке, пока в один прекрасный день не открыл дверь своей тушкой и не сцапал у него половину сэндвича...

— Человек! — рявкнул Змей, прерывая воспоминания Цин Шу. На этой чешуйчатой роже отчётливо проступало самое настоящее волнение: — Когда будешь покупать меня, сбивай цену до победного! Твои сбережения нужны мне на мясо!

Цин Шу не удержался и тихо рассмеялся:

— Ладно. Но дело правда не в деньгах. Я боюсь, что, когда сон закончится, я обо всём забуду.

Зная себя, Цин Шу понимал: в последний момент он, возможно, засомневается из-за чувства привязанности. Но это не давало стопроцентной гарантии. Вдруг наяву навалится работа, накроет хандра или случится ещё какая-нибудь жизненная неурядица, которая собьет настрой? Переменных слишком много. Ему требовался дополнительный толчок, чтобы вероятность покупки Змея стала абсолютной. А помочь ему в этом после пробуждения мог только сам Змей.

Цин Шу изложил свою задумку.

Змей на мгновение задумался:

— И что от меня требуется?

Дать четкую инструкцию Цин Шу стеснялся. Учить кого-то, как правильнее себя обхаживать, казалось жутко неловким:

— Ну... действуй примерно так же, как раньше. Ты мне симпатичен... И мне в последнее время правда жаль, что тебя могут увезти. Попробуй сам чаще проявлять инициативу и выходить на контакт?

Это был предел его откровенности. Не расписывать же Змею по пунктам: «мне нравится вот это, а от того я таю»?! Такое стыдобище потом до конца дней не отмоешь!

— Понял, — Змей глубоко впал в раздумья, а потом вынес вердикт: — Проще пареного репы. То есть быть к тебе поласковее, постоянно мозолить глаза и делать так, чтобы ты обо мне ни на секунду не забывал?

— Вроде... того?

Цин Шу показалось, что где-то кроется подвох, но решил довериться Змею. В конце концов, его собственные познания в амурных делах уступали даже младшекласснику.

На горизонте замаячила бледная, предрассветная полоса. Прошлый опыт подсказывал обоим: сон подходил к концу.

— Ещё есть что сказать? — спросил Змей.

— Нет, — Цин Шу тепло улыбнулся на прощание. — Увидимся наяву.

Сновидение рассыпалось на мелкие осколки, будто разбитое зеркало. Цин Шу зажал пальцами ноющую височную кость и открыл глаза. Оказалось, он всю ночь просидел на табурете.

Он абсолютно не помнил, что делал. Кусок памяти словно вырезали — сколько ни шарь в голове, не удавалось наскрести даже крупницы воспоминаний.

— До боли знакомое ощущение... — с тихим вздохом пробормотал Цин Шу.

Ну да... И привычный букет: головная боль после кошмара и полная опустошенность, будто из него выкачали всю ментальную энергию.

Цин Шу спохватился, взглянул на часы и ахнул — восемь тридцати!

Он торопливо вскочил, собираясь переодеться, но тут же обо что-то споткнулся. На полу в комнате свёрнутым жгутом лежал Змей.

Цин Шу на ходу просунул руки в рукава, нагнулся и наспех погладил рептилию по гладкой голове:

— Днём поспи дома, не скучай. Захочешь — посмотри телевизор в гостиной. На кухне остались вчерашние варёные яйца, перекуси, если проголодаешься. Вечером вернись — сварю тебе мяса.

Змей уставился на него выпученными золотыми глазами и принялся кружить под ногами, заставив человека споткнуться ещё пару раз. Когда дверь за Цин Шу захлопнулась, Змей от досады с размаху цапнул себя за хвост:

«Вот же человечиска! Во сне и наяву — два совершенно разных лица!»

А ведь обещал сегодня сходить на фермерский рынок за сочной свиной грудинкой...

Раздосадованный Змей вполз в комнату Цин Шу, вскарабкался на кровать и принялся яростно крутиться, превращая постельное бельё в мятый ком.

«Ну ничего, человек, мы ещё посчитаемся!»

Змей зарылся головой в одеяло, а в его золотых зрачках вспыхнул опасный огонек:

«Твои двадцать три тысячи девятьсот восемьдесят один юань и шесть цзяо... Ни одного цзяо не утаишь! Всё до последней монеты пойдёт мне на мясо!!»